

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

Szemerényi O. Richtungen der modernen Sprachwissenschaft. Tl. 2: Die fünfziger Jahre (1950—1950). — Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1982. XIV + 318 S.

Профессор Фрайбургского университета О. Семереньи известен как специалист по сравнительно-историческому и общему языкознанию (ср. [1, 2]). В рецензируемой книге О. Семереньи представлено перед нами в ином качестве — как историк языкознания. Первая ее часть с подзаголовком «От Соссюра до Блумфилда (1916—1950)» была опубликована еще в 1971 г. [3]. За прошедшее с тех пор десятилетие методологические требования к исследованиям по истории языкознания заметно возросли. Не удивительно поэтому, что в кратком предисловии ко второй части автор счел необходимым пояснить принципы своей работы. Он подчеркивает, что, несмотря на обилие имен, книга была задумана не как «каталог исследователей» (с. VI), а как выявление основных тенденций развития науки. Следует заметить, что в книге все же небольшое внимание уделяется наиболее видным представителям современного языкознания и даются довольно яркие психологические «портреты» отдельных ученых. Такого рода «непоследовательность» вряд ли следовало бы считать недостатком книги. Конечно, развитие науки — социальный процесс, определяемый в конечном счете не волей или способностями отдельных личностей, а закономерностями иного, социального порядка. Однако конкретные события истории научной мысли в немалой степени связаны с личными особенностями тех или иных ученых. Поэтому содержащиеся в книге сжатые, но достаточно информативные биографические справки значительно повышают ее ценность.

О. Семереньи пишет, что он не согласен с тем, кто полагает, «что только то в прошлом представляет интерес, что и сегодня кажется важным» (с. VI—VII). Задачу историка науки он видит в объективно-историческом рассмотрении событий. Например, «глотохронология» сейчас рассматривается большинством как ошибочное направление, однако в 50-е гг. она пользовалась необычайной популярностью. Простое умолчание об этом историческом факте было бы равнозначно фальсификации хода развития нашей науки» (с. VII). Стремление к объективности (особенно по отношению к недавнему прошлому) нельзя не оценить положительно. Изложение событий в книге максимально приближено к фактам, автор стремится к тому, чтобы факты говорили «сами за себя». Следует, однако,

учесть, что фактологическая достоверность еще не гарантирует объективности и таит в себе опасность объективизма, которого, к сожалению, не всегда избегает и автор. Примечательная в связи с этим особенность книги — отсутствие явных оценок. О. Семереньи указывает, что оценочные суждения он оставляет для заключительной части работы, где будут подведены общие итоги развития современного языкознания. Излишне говорить о том, насколько относительно различение фактов и мнений. Во всяком случае, отсутствие квалифицированной объективной оценки рассматриваемых событий пока что безусловно обеднило книгу, поскольку выпуск заключительной части, судя по всему, в ближайшее время не предвидится. Читатель ждет от ученого такого масштаба, как О. Семереньи, не только корректного изложения чужих концепций, но и собственных оценок тех или иных теорий и методов. Справедливость требует, однако, отметить, что автору не удалось все же полностью исключить из рассмотрения оценочный момент (например, при обсуждении возможностей глотохронологии).

Хотя в подзаголовке второй части и указывается, что она посвящена языкознанию 50-х гг., на деле же автор вынужден для полноты и цельности изложения то возвращаться к событиям двух предыдущих десятилетий, то уходить вперед, прослеживая развитие отдельных научных направлений до конца 60-х и даже конца 70-х гг. Это вполне закономерно: обозначенный временной отрезок, пожалуй, слишком узок для систематического обозрения, и для деятельности целого ряда исследователей (З. Харриса, А. Мартине, Э. Бенвениста и др.) отнесение именно к 50-м гг. не может не восприниматься как условное. Более точно предмет книги можно было бы определить следующим образом: она посвящена тем направлениям современного языкознания, которые были наиболее характерны для обозначенного периода.

Открывает книгу глава, посвященная советскому языкознанию 50-х гг. К сожалению, зарубежные лингвисты в основной своей массе до сих пор довольно плохо знакомы с опытом русского и советского языкознания. О. Семереньи в этом отношении составляет исключение: как показывает его книга, он хорошо осведомлен об исследованиях советских ученых. Однако и на него ока-

зала, по-видимому, влияние традиционная недооценка результатов, полученных нашими лингвистами. В первой части книги, в которой рассматривается языкознание первой половины века, о русском и советском языкознании говорится лишь мимоходом, в связи с вопросом об источниках теоретических концепций Пражского лингвистического кружка. Не может не вызывать удивления и вывод автора, согласно которому к концу 50-х гг. советские лингвисты добились некоторых успехов лишь в области фонологии и сравнительно-исторического языкознания. «В других областях языкознания в этот период, как мне кажется, несмотря на упорную работу, не было достигнуто значительных результатов», — пишет О. Семереньи (с. 21). Отмечая положительное значение дискуссии 1950 г. по вопросам языкознания, автор вместе с тем слишком упрощенно трактует общий ход развития советского языкознания. В его изложении получается, что до 1950 г. наше языкознание не добилось никаких положительных результатов и лишь в дальнейшем был достигнут некоторый прогресс. В результате русское и советское языкознание первой половины века, по мнению О. Семереньи, оказалось практически исключенным из общей картины развития современной науки о языке. Такая трактовка настолько расходится с действительностью, что автор и сам не в состоянии последовательно ее придерживаться. Так, он указывает, что и в годы, когда в нашей науке доминировало «новое учение о языке», целый ряд ученых работал в ином русле, продолжая лучшие традиции отечественного языкознания. О. Семереньи называет имена В. В. Виноградова, Р. И. Аванесова, П. С. Кузнецова, М. Н. Петерсона, Е. Д. Поливанова. Не может он также не признать, что наряду с явно ошибочными тенденциями в деятельности лингвистов, так или иначе связанных с «новым учением о языке», присутствовали и положительные моменты (в частности, это касается проблем типологии, исторической семантики). В книге указывается, например, что «Мещанинова не интересовала собственно яфетидология, его привлекало только общее языкознание, и, главным образом, проблемы синтаксического строя» (с. 6).

Думается, что даваемая О. Семереньи оценка достижений советского языкознания в книге связана и со слишком узким пониманием им теоретического языкознания. Только этим можно объяснить тот факт, что О. Семереньи не упоминает советских работ по социолингвистике. А ведь исследования в этой области в нашей стране были начаты на несколько десятилетий раньше, чем за рубежом [4, 5]. Деятельность советских ученых в области типологии ограничена лишь беглой характеристикой работ И. И. Мещанинова, что не отражает истинной полноты картины [6]. Не уделил автор внимания и разработке советскими учеными проблем литературного языка, лингвистической стилистики, теории художественной речи. Следовало бы также отметить пионерскую деятельность наших исследова-

телей и в других областях, в частности, в психолингвистике и теории текста (уже в середине 20-х гг. М. М. Бахтин указал на необходимость лингвистического изучения текста, а Л. П. Якубинский обратился к исследованию диалогической речи). Но даже если понимать под теоретическим языкознанием лишь общие проблемы изучения внутренней структуры языка, то и в этом случае нельзя было не отметить работы Л. В. Щербы, В. М. Жирмунского, В. В. Виноградова, А. И. Смирницкого, П. С. Кузнецова и других. Имена этих ученых О. Семереньи упоминает, но, как это ни парадоксально, об их вкладе в общее языкознание в книге не говорится. Следует заметить, что зарубежные лингвисты нередко видят в советском языкознании лишь то, что в той или иной мере созвучно наиболее influential тенденциям зарубежного языкознания. При этом совершенно непонятным остаются своеобразие нашей науки о языке, ее традиции и новаторство.

Таким образом, предпринятая О. Семереньи попытка дать краткий очерк развития советского языкознания до начала 60-х гг., к сожалению, не может быть признана удачной. Вне рассмотрения оказались не просто отдельные важные работы, но и целые исследовательские направления. В то же время сам факт такой попытки вполне заслуживает положительной оценки. Общих работ по истории русского и советского языкознания за рубежом все еще мало¹, и можно надеяться, что каждый новый опыт в этой области будет способствовать лучшему пониманию нашей науки за рубежом.

Следующие три главы посвящены языкознанию в США. Сначала автор рассматривает деятельность дескриптивистов, в первую очередь — З. Харриса. О. Семереньи отмечает, что именно Харрис ввел в языкознание трансформацию как специальный метод. Далее следует краткий очерк фонологической деятельности Р. О. Якобсона и М. Халле. В главе «Историческое и сравнительное языкознание в Америке» объединены три направления, которые обычно принято рассматривать раздельно: индоевропеистика, глоттохронология, теория лингвистической относительности. Характеризуя развитие американского языкознания, обычно забывают, что в США работали и работают серьезные специалисты в области сравнительно-исторического языкознания (К. Д. Бак, Э. Г. Стертевант, У. Ф. Леман, Э. Хэмп и др.). Рассматривая раз-

¹ Сведения о советском языкознании содержатся в первом томе издания «Современные направления в языкознании» [7], в книге Ж. Мунена «Языкознание XX века» [8], языкознанию в СССР был посвящен специальный номер журнала «Langages» [9]. В последнее время за рубежом был издан в переводе на иностранные языки ряд работ советских авторов по лингвистической историографии [10—13], дающих возможность зарубежным читателям получить достаточно полное представление о традициях и современных тенденциях советского языкознания.

витие индоевропеистики в США, автор способствует более полному пониманию современного состояния языкознания в этой стране. Что касается глоттохронологии, то выраженный автором надежда относительно возможного усовершенствования этого метода, думается, вряд ли обоснована. Принципиальное сомнение в надежности полученных с помощью глоттохронологии результатов вызвано тем, что «языки и их лексика развиваются неравномерно» [14, с. 17], и никакое совершенствование технической стороны метода здесь не поможет.

В главе «Сравнительно-историческое языкознание в Европе» автор указывает, что развитие индоевропеистики в XX в. было обусловлено двумя факторами: 1) расширением эмпирической базы (дешифровка ряда письменностей, открытие новых памятников на известных ранее языках); 2) развитием методики исследований. Нельзя не согласиться со стремлением автора показать взаимосвязь общего и сравнительно-исторического языкознания. Пример таких ученых, как Э. Бенвенист и Е. Курилович, доказывает, что серьезная работа в области сравнительно-исторического языкознания дает выход в общелингвистическую проблематику, а развитие общего языкознания способствует прогрессу сравнительно-исторических исследований. Поэтому серьезное внимание, которое автор уделяет сравнительно-историческому языкознанию при рассмотрении развития науки о языке, совершенно оправдано. К сожалению, автор хотя и отмечает, что наряду с индоевропеистикой в последние десятилетия активно развивается сравнительно-историческое изучение других языковых семей, компаративистика в книге представлена лишь индоевропейским языкознанием. В наше время такой подход вряд ли может считаться оправданным. Активное сравнительно-историческое изучение языков разных семей привело к созданию широкого комплекса взаимодействующих частных дисциплин, и ни одна из них (в том числе и обладающая такими прочными традициями, как индоевропеистика) не развивается обособленно от других.

Центральная фигура главы «Общее языкознание в Англии» — Дж. Р. Ферс. С его именем автор связывает активизацию теоретической лингвистики в Великобритании в середине нашего века. Примечательно, что именно Ферс основал первую в Великобритании кафедру общего языкознания.

Глава «Общее языкознание во Франции» содержит подробный очерк творчества А. Мартино, два других параграфа посвящены Л. Теньеру и Г. Гийому. В этой главе наиболее остро ощущается недостаток четко выраженной авторской позиции. В некоторых случаях перед нами не столько анализ, сколько констатация фактов.

В главе, посвященной общему языкознанию в ФРГ, основное внимание уделено Л. Вайсгерберу. Рассматривается также деятельность Г. Гипфера и Г. Глинца как представителей «ориентированной на содержание» (*inhaltsbezogene*)

грамматики. Интересным представляется вывод автора о том, что стремление строить описание языка на основе плана содержания сближает представителей этого направления с лондонской школой.

В заключение хотелось бы сделать следующее замечание. Характеристика взглядов того или иного ученого, деятельности той или иной школы в книге сводится, как правило, к анализу внутренней структуры их теоретических построений. Между тем науковедение обнаружило «особый пласт в научных теориях, а именно наличие во всякой теории таких утверждений и допущений, которые в рамках самих этих теорий не доказываются, а принимаются как некоторые само собой разумеющиеся предпосылки. Но эти предпосылки играют в теории такую важную роль, что устранение их или пересмотр влекут за собой и пересмотр, отмену данной теории. Каждая научная теория предполагает свой идеал объяснения, доказательности и организации знания, который из самой теории не выводится, а, напротив, определяет ее собой» [15, с. 9]. За каждой теорией стоит определенное мировоззрение, определенный комплекс философских идей. Современная история языкознания немислима без выявления методологических оснований рассматриваемых направлений, течений, школ. Примером работы такого рода может служить выпущенная несколько лет назад книга «Философские основы зарубежных направлений в языкознании» [16]. К сожалению, в книге О. Семеревы подобный систематический анализ не проводится, хотя отдельные замечания на этот счет встречаются (например, о влиянии философии прагматизма на дескриптивизм). Возможно, что этот недостаток устранился в заключительной части книги, где будет дана общая оценка развития современного языкознания. Довольно слабо отражено в книге и взаимодействие языкознания с другими научными дисциплинами. А ведь активные интеграционные процессы (наряду с дифференциацией) — один из характерных признаков современного этапа развития науки, о чем свидетельствует образование научных дисциплин, стоящих на стыке двух наук, например, социолингвистики, психолингвистики.

Создание истории языкознания наших дней — задача чрезвычайно сложная, и к ее решению еще только приступают. Потребуется немало времени, усилия целого ряда ученых (возможно, коллективов ученых), чтобы справиться с этой задачей. Рецензируемая книга — определенный вклад в ее решение. Отмеченные же недостатки не умаляют общего значения книги.

Дать общую оценку труда О. Семеревы пока невозможно, поскольку публикация еще не завершена. Но и первые две части книги позволяют говорить об авторе как о серьезном, вдумчивом историографе языкознания, настойчиво стремящемся к полноте и объективности в исследовании. Книга заставляет задуматься о судьбах языкознания, она, несомненно, представляет интерес не только для специалистов по истории науки, но

и для широкого круга лингвистов. Будем надеяться, что в скором времени читатели получат возможность познакомиться и с завершающей частью «Направлений современного языкознания».

Березин Ф. М., Ромашко С. А.

ЛИТЕРАТУРА

1. Oswald Szemerényi: List of publications. 1937—1979.— In: Studies in diachronic, synchronic and typological linguistics. Festschrift for O. Szemerényi on the occasion of his 65-th birthday. Amsterdam, 1979, pt. 1.
2. Семереньи О. Введение в сравнительное языкознание. М., 1980.
3. Szemerényi O. Richtungen der modernen Sprachwissenschaft. Tl. 1: Von Sausure bis Bloomfield. 1916—1950. Heidelberg, 1971.
4. Гухман М. М. У истоков советской социальной лингвистики. — ИЯШ, 1972, № 4.
5. Швейцер А. Д. Некоторые теоретические проблемы социальной дифференциации языка в советском языкознании 20-х и 30-х годов. — Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommuni-

- kationsforschung. 1980, Bd. 33. Hf. 1.
6. Климов Г. А. Типологические исследования в СССР. 20—40-е годы. М. 1981.
7. Current trends in linguistics. V. 1. Soviet and East European linguistics. The Hague, 1963.
8. Mounin G. La linguistique du XXe-siècle. Paris. 1972.
9. Langages, 1966, № 15.
10. Amirova T. A., Ovchovikov B. A., Roždestvenskij Ju. V. Abriß der Geschichte der Linguistik. Leipzig. 1980.
11. Berезин F. M. Geschichte der sprachwissenschaftlichen Theorien. Leipzig, 1980.
12. Berезин F. M. Geschichte der sowjetischen Sprachwissenschaft. Leipzig, 1984.
13. Berезин F. M. The history of general and comparative linguistics in 19th century Russia. — Historiographia linguistica, 1979, v. 6. № 2.
14. Трубочев О. Н. Языкознание и этногенез славян. — ВЯ, 1984, № 2.
15. Гайденко П. П. Эволюция понятия науки: становление и развитие первых научных программ. М., 1980.
16. Философские основы зарубежных направлений в языкознании. Отв. ред. Панфилов В. З. М., 1977.

Энциклопедический словарь юного филолога (языкознание). Для среднего и старшего школьного возраста. — М.: Педагогика, 1984. 352 с.

Лингвисты всегда чувствовали глубокую неудовлетворенность тем, как формируется представление школьника о языкознании. Если в области физики, химии, биологии школьное преподавание строится с учетом основ науки и новейших открытий в ней, то обучение языку (русскому, национальному, иностранному) на всех его этапах преследует исключительно практические цели: научить грамотно читать, писать и говорить на данном языке (для иностранного языка, разумеется, эти цели ограничиваются первыми двумя). Такая чисто эмпирическая постановка вопроса мешает решению и тех скромных задач, которые ставятся школьным образованием. Полезные навыки вырабатываются лучше и быстрее, если под них заложен фундамент научных знаний. Есть здесь и другая немаловажная сторона. Всякая наука содержит элемент эвристики, который всегда вызывает у молодежи повышенный интерес, а иной раз и энтузиазм. Успешное приобретение любых практических навыков при отсутствии интереса к предмету обучения вряд ли возможно. И, наконец, лингвистика в условиях научно-технической революции получает особое значение. Установление непосредственного общения пользователя с ЭВМ невозможно без решения главной, целиком лингвистической по своему характеру задачи — канонизации особым образом ограниченного естественного языка для общения человека с ЭВМ. Поэтому лингвистическое образование и воспитание необходи-

мо каждому школьнику, вне зависимости от того, какую специальность он выберет себе по окончании школы.

Рецензируемый «Энциклопедический словарь юного филолога» в большой мере способствует изменению той ситуации, которая сложилась в области среднего лингвистического образования. Мы думаем, что это издание адресовано в равной степени как ученику, так и учителю.

Акад. Г. В. Степанов в предисловии к Словарю пишет: «Одно из распространенных заблуждений состоит в том, что наука о языке — языкознание — свешивают с изучением языка в практических целях. Рыболов — это еще не ихтиолог, а знаток языков — еще не языковед, и общее писательство о языке — тоже не научное исследование».

Чтобы изучать язык научно, необходимы многие знания и умения. Лингвисту следует быть знакомым хотя бы с основами или элементами акустики, психологии, социологии, истории, литературоведения, теории информации, статистики, этнографии, антропологии, культурологии, текстологии, географии, философии... Яркий пример единства наук о человеке!

Здесь же создаются перекрестки научных путей, которые открывают новые научные связи: психолингвистика, лингвогеография, социолингвистика, этнолингвистика, инженерная лингвистика, математическая лингвистика, лингвостатистика, философия языка, лингвостилистика. При этом лингвистика как таковая, как наука единая, не только не